

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 70–81.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2021. Issue 4 (8). P. 70–81.

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-70-81>

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МОДЕЛИ СЕМЬИ В РАННЕМ РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ»

**Юлия Игоревна
Кузина**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Тула, Россия, juliaaaaa30@yandex.ru

Аннотация. В статье характеризуется модель семьи для молодого Л. Н. Толстого, воплощённая в художественной форме в романе «Семейное счастье». Отмечается, что для раннего периода жизни Толстого семья являлась одной из главных ценностей. Именно в ней Толстой видел смысл существования. Согласно взглядам писателя на этом этапе жизни, институт семьи осмысливался им как главный источник счастья, а условием настоящей любви к супругу были дети. В настоящей работе рассматриваются лингвокультурные особенности романа при описании любовных и семейных отношений между героями. Развитие лингвокультурологического направления, в частности изучение концепта «Семья» как ментальной категории культуры, обусловило актуальность исследования. На примере отношений главных героев демонстрируются представления о семейном счастье, преобладающие в русской языковой картине мира. Через анализ поведения и чувств Маши на определённых этапах её жизни описывается несвойственное русскому народу восприятие института брака, которое находит отрицательную оценку и у самого писателя. Определено, что «Семейное счастье» – недооценённая работа Л. Н. Толстого, с которой началась серия произведений писателя, посвящённых женской философии. Маша является героиней, черты которой нашли отражение в других женских образах, созданных Толстым в дальнейшем. Сделан вывод о том, что анализируемый роман обладает лингвокультурологическим потенциалом, который определён традициями русской лингвокультуры.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, язык, культура, лингвокультурология, семья, понимание, концепт.

Для цитирования: Кузина Ю. И. Вербализация представлений о модели семьи в раннем романе Л. Н. Толстого «Семейное счастье» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. 4 (8). С. 70–81. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-70-81>

Сведения об авторе: Ю. И. Кузина – студент 3 курса факультета русской филологии и документоведения, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, д. 125.

Scientific Article
UDC 811.161.1
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-70-81>

VERBALIZATION OF IDEAS ABOUT THE FAMILY MODEL IN THE EARLY NOVEL "FAMILY HAPPINESS" BY LEO TOLSTOY

Yulia I. Kuzina

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russia, juliaaaaa30@yandex.ru

Abstract. The article characterizes the model of the family for the young Leo Tolstoy, embodied in the artistic form in the novel «Family Happiness». The author notes that for the early period of Tolstoy's life the family was one of the main values. It was in the family that Tolstoy saw the meaning of existence. According to the writer at this stage of his life, the institution of the family was the main source of happiness, and the condition of true love for the spouse were children. This paper considers the linguistic and cultural specificities of the novel in describing love and family relationships between the characters. The development of linguocultural direction, in particular the study of the concept "Family" as a mental category of culture, determined the relevance of the research. On the example of the relations of the main characters Tolstoy demonstrated the notions of family happiness, which prevail in the Russian language picture of the world. Through the analysis of Masha's behavior and feelings at certain stages of her life the author of the article describes the perception of the institution of marriage, which is not typical of the Russian people and which Tolstoy himself evaluates negatively. The work determined that "Family Happiness" is an underrated work of Leo Tolstoy, which started a series of works by the writer, devoted to the philosophy of women. Masha is the heroine, whose features are reflected in other female characters created by Tolstoy in the future. The article concluded that the analyzed novel has linguocultural potential, determined by the traditions of Russian linguoculture.

Keywords: Leo Tolstoy, language, culture, linguoculturology, family, comprehension, concept.

For citation: Kuzina, YI 2021, 'Verbalization of ideas about the family model in the early novel "Family Happiness" by Leo Tolstoy', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4(8), pp. 70–81, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2021-4-70-81> (in Russ.)

Information about the Author: *Yulia I. Kuzina* – 3rd year student of the Department of Russian Philology and Records Management, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Avenue, Tula, 300026, Russia.

«Семейное счастье» – уникальное и неоднозначное произведение Льва Николаевича Толстого, впервые напечатанное в журнале «Русский вестник» в 1859 г. До сих пор ведутся споры относительно его жанрового своеобразия. Опираясь на сравнительно небольшой объём и незамысловатый сюжет, в центре которого частная жизнь двух людей, отношения между мужчиной и женщиной на разных этапах своего развития, одни учёные относят «Семейное счастье» к повести (так считают, например, Г. М. Ребель, Н. Н. Гусев, В. Г. Шукин, И. Н. Сухих). Некоторые исследователи, вслед за самим автором, называют это произведение романом (такой точки зрения придерживаются М. М. Бахтин, Б. И. Бурсов, В. Б. Шкловский и другие).

Спорное мнение у учёных и по поводу вопроса о том, какие события в жизни автора и/или другие литературные труды других авторов сказались на написании романа. Исследователи творчества Л. Н. Толстого замечают, что в основе «Семейного счастья» лежат отношения писателя и В. В. Арсеньевой, родственницей Тургеневых.

В 1853 г. у девушки умерла мать, через три года – отец. Опекун 20-летней Валерии, её двух младших сестёр и одного брата был Лев Николаевич Толстой. Он часто посещал родовое имение Арсеньевых в Судакове. Вскоре отношения между Толстым и юной Валерией переросли в нечто большее. О. Ю. Сафонова пишет: «Летом 1856 г. у него начался роман с Валерией Владимировной. Толстой намеревался жениться. Обсуждал предполагаемый брак с родственниками и близкими людьми» [4, с. 158]. Однако свадьба всё же не состоялась. В 1857 г. Лев Николаевич отправился за границу.

Также существуют версии, согласно которым на «Семейное счастье» повлияли литературные произведения других авторов. Многие исследователи отмечают воздействие И. С. Тургенева. Например, Б. М. Эйхенбаум обозначает следующее: «Он пишет «Семейное счастье», точно соперничая с Тургеневым, но и неизбежно подчиняясь ему в тех местах, где сделан нажим на стиль. Самая «форма» романа – записки женщины о своей жизни – явилась, по-видимому, в результате замены конкретного материала стилем («поэма»); лишним толчком к этому могли послужить и книга Мишле, и повести Тургенева. Так получились неорганические сочетания стилей: рядом с чисто-толстовской предметностью и конкретностью деталей, не согласующейся с формой записок, оказываются лирические пейзажи в духе Тургенева или Тютчева» [9, с. 335].

Есть версия, что на Толстого оказала влияние повесть Н. М. Карамзина «Юлия», где повествуется о душевных чувствах главной героини, которые якобы можно сопоставить с эмоциями и переживаниями Маши.

А. Ю. Саркисова указывает на взаимосвязь «Семейного счастья» Толстого и английского романа XVIII – XIX веков: «Семейные отношения находятся в центре внимания в романе «Семейное счастье», что знаменует глубокую, концептуальную связь этико-эстетических поисков молодого Толстого с богатой английской традицией» [3, с. 78].

При более детальном изучении причин, сказавшихся на написании романа, можно выделить ещё ряд факторов. Однако не будем останавливаться на этом подробно.

И, наконец, неоднозначность «Семейного счастья» заключается в отношении к роману. От большинства критиков роман получил нелестные отзывы. Например, В. П. Боткин считал, что произведение «исполнено какого-то холодного блеска и ничто не трогает ни мысли, ни чувства», а «неудача вызвана не языком, а «неясностью первоначальной мысли», «напряженным пуританизмом в воззрении» [8, с. 307]. При этом Боткин после корректуры второй части романа отмечал, что произведение всё же прекрасное, наполненное глубоким смыслом. Мнение самого автора о собственном творении колеблется от момента завершения написания до издания романа. Толстой

был разочарован «Семейным счастьем». Он и думал о печатании произведения под псевдонимом, и просил В. П. Боткина не печатать вторую часть, и называл роман «постыдной гадостью». Думаем, проблема оценки этого произведения самим автором заслуживает отдельной работы и более глубоко рассмотрения.

Таким образом, «Семейное счастье» – это маленький роман Льва Николаевича Толстого, о различных сторонах которого можно спорить и рассуждать очень долго, однако, на наш взгляд, в нём есть одна составляющая, являющаяся неопровержимой и убедительной, – это смысловая направленность, исходный посыл автора об институте семьи.

Цель исследования – выявление способов вербализации понятия «семья» в романе Л. Н. Толстого «Семейное счастье».

Материалом работы послужил роман Л. Н. Толстого «Семейное счастье». Выбор практического материала обусловлен поражающим своим величием масштабом личности писателя в аспектах изучения русского языка, культуры и литературы, а также высокой значимостью исследования универсального концепта «Семья» для лингвокультурологии.

Как известно, формирование языковой картины мира происходит в соответствии с традициями культуры, национальным менталитетом и мировосприятием народа. Личность Л. Н. Толстого, его мировоззрение, взгляды на разные стороны жизни человека – это всё то, что заслуживает большого интереса, внимания и осмысления среди современников.

Рассмотрим более подробно отношение Толстого к семье и браку. Г. В. Токарев следующим образом подчёркивает восприятие Толстым института брака: «Толстой же в конце своей жизни отрицает брак, считая его маскировкой формы блуда. Вместе с тем он порицает развод, поскольку он создаёт условия для совершения других аморальных поступков» [6, с. 145]. Однако, благодаря комплексному подходу Г. В. Токарева к исследованию взглядов Л. Н. Толстого на этот социальный институт, мы понимаем, что в ранний период жизни семья и её ценность трактовались Толстым иначе. Григорий Валериевич пишет: «Он понимал их как сферу, спасающую человека от дисгармонии, уныния, греха, помогающую обрести смысл жизни. Семья понималась Толстым как главное предназначение человека» [6, с. 145].

Можно утверждать, что «Семейное счастье» – это роман, написанный в ранний период жизни Толстого, когда в его сознании семья была основой счастливой жизни и главным смыслом существования.

На наш взгляд, ярче всего семейные идеалы молодого Толстого отражаются в последнем предложении романа, когда Маша, пройдя путь духовных исканий, начинает испытывать к своему мужу глубокое чувство любви как к отцу своих детей: *С этого дня кончился мой роман с мужем; старое чувство стало дорогим, невозвратимым воспоминанием, а новое чувство любви к детям и к отцу моих детей положило начало другой, но уже совершенно иначе счастливой жизни, которую я ещё не прожила в настоящую минуту...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 143]. Автор отчётливо показывает, как лёгкая и пылкая влюблённость сменяется серьёзным и настоящим чувством любви. Толстой использует контраст, сравнивая как будто две разные жизни.

При описании ушедшего чувства писатель обращается к таким образам, как *кончился роман, старое чувство, невозвратимое воспоминание* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 143]. Выбранные номинации вербализуют базовые образы «грусть» и «печаль». Представление о новой жизни строится с помощью следующих единиц: *чувство любви к детям и отцу моих детей, счастливая жизнь* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 143].

Отдельно обратимся к тому, как именно Толстой называет этапы взаимоотношений героев. Первый – *роман* ‘разг. любовные отношения между мужчиной и женщиной’ [5, Т. 3, с. 729–730]. В русской лингвокультурной общности *роман* в приведённом значении продуцирует отрицательные эмотивно-оценочные коннотации. Новая жизнь – это *счастливая жизнь* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 143]. Толстой как бы даёт оценку происходящему, подвергает измерению семейный аспект жизни человека. Состояние Маши характеризуется словом *любовь* ‘чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л.’ [5, Т. 2, с. 209].

Мы отчётливо видим противопоставление между восприятием Сергея Михайловича Машей в первый период их близких отношений, когда он был для неё примером, смыслом существования и неким идеалом, и последующий, когда чувства не ушли, а просто изменились. На наш взгляд, Маша всегда желала жить проблемами мужа. Когда это не получалось, девушке становилось скучно, и она искала радость в светском существовании. К завершению произведения героиня подходит уже с другими мыслями о своём супруге. Теперь любовь к Сергею Михайловичу связана не просто с его личностью и её обожествлением. Главным связующим звеном между супругами становятся дети.

Итак, Лев Николаевич Толстой считает детей самым важным условием семейного счастья. Именно в такой модели семьи молодой Толстой видит смысл бытия. Эти мысли находят своё отражение в русской лингвокультуре. В сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» можно встретить такие выражения: «*Дети – благодать божья*» [2, Т. 1, с. 331], «*У кого детей много, тот не забыт от бога*» [2, Т. 1, с. 331], «*У кого детки, у того и ягодки*» [2, Т. 1, с. 336], «*Слава богу, не без доли: хлеба нету, так дети есть*» [2, Т. 1, с. 72]. В обыденной жизни мы часто слышим, что дети – это смысл жизни, дети – цветы жизни и дети – самое главное в семье.

Проанализировав главную идею о модели семьи молодого Л. Н. Толстого, ярко выраженную в последнем предложении романа «Семейное счастье», далее мы обратимся к началу произведения. Проведём исследование, основанное на лингвокультурологическом подходе, о представлениях модели семьи для русского народа в том направлении, которое будет тождественно с путём нравственного становления главной героини и понимания ею настоящего семейного счастья.

Роман начинается так: *Мы носили траур по матери, которая умерла осенью, и жили всю зиму в деревне, одни с Катей и Соней. Катя была старый друг дома, гувернантка, вынянчившая всех нас, и которую я помнила и любила с тех пор, как себя помнила. Соня была моя меньшая сестра.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 67]. С первых строк произведения мы видим языковые единицы с архисемой ‘семейные отношения’ семантического поля концепта «Семья»: *мать, сестра, старый друг дома, гувернантка* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 67]. Последние два понятия также отнесём к нашему списку. Во-первых, по тексту ясно, что гувернантка Катя – это близкий человек главной героини и её сестры, которая их *вынянчила*, которую Маша *любит* с тех пор. Во-вторых, из истории известно: так как отношения во многих знатных семьях между родителями и детьми не имели достаточно крепкой связи, няня или гувернантка, человек, который постоянно находился с ребёнком, имела огромное значение на формировании духовно-нравственных качеств детей.

Символично, что сюжет разворачивается зимой. Толстой, описывая это время года, употребляет такие единицы: *мрачная и грустная зима, зиму...убиваю в деревне, перед концом зимы это чувство тоски одиночества и просто скуки увеличилось...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 67]. Образ зимы в русской языковой картине мира очень интересен. Номинация *зима* продуцирует негативные коннотации. *Зима* для русского народа – это не только ‘время года’. Её образу также присущи

такие ассоциации, как 'несчастье', 'беда', 'одинокчество', 'лютая', 'суровая'. Исторически сложилось, что зимняя обстановка соотносится с покоем и смертью, долгим сном и длинной дорогой, тоской и печалью.

Невозможно не сказать, как мастерски Толстой на протяжении всего романа с помощью языковых средств вербализует образы времён года, бытующие в сознании русского человека. Отчётливо видно, что все печальные события, размолвки и недопонимания между героями происходят именно зимой. Весной же Толстой пишет о каких-либо радостных жизненных моментах.

Зима в дальнейшем опять сопровождается отрицательными коннотациями (*пришла зима с своими холодами и метелями, и я...начала чувствовать себя одинокою* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 110]). Во время ссоры Марьи Александровны с мужем на страницах романа снова появляются отсылки к образу зимы: *...нечем ему было упрекнуть меня за всю эту зиму.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 121].

Про весну в романе можно увидеть следующее: *Между тем пришла весна. Прежняя тоска моя прошла и заменилась весеннею мечтательною тоскою непонятных надежд и желаний.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 73]. Осознание настоящего семейного счастья Маше приходит также именно весной: *Опять нынешнюю весну...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 137].

Почти с самого начала повествования на страницах романа появляется Сергей Михайлович – опекун: *В марте приехал опекун.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 68]. В русской лингвокультуре положение опекуна было и остаётся аналогично положению родителей. Толстой использует следующие номинации, относящиеся к концепту «Дружба»: *близкий сосед наш* и *друг покойного отца* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 68]. В нашем тексте образ Сергея Михайловича своей семантикой уже уходит из поля дружеских отношений и приобретает значимость в функционально-ролевой структуре семейных отношений.

Маша следующим образом вспоминает восприятие Сергея Михайловича в своём детстве: *Она [мать Маши] сказала, что такого мужа желала бы для меня. Тогда мне это показалось удивительно и даже неприятно; герой мой был совсем другой.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 68]. Если в «Домострое», памятнике русской литературы XVI в., мы можем найти главу «Как воспитать дочерей и с приданным замуж выдать», где в самом названии употребляется выражение *замуж выдать* [1, с. 158–159], то уже к эпохе Л. Н. Толстого эта тенденция начинает ослабевать. Начинает наблюдаться стремление к самоопределению. Оно отражается в таких языковых единицах: *желала бы, неприятно, герой мой был совсем другой* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 68]. В последних единицах ярко выражается позиция самой девушки о желании матери и подчёркивается большая желаемая самостоятельность в выборе супруга.

При разговоре Сони, Маши, Кати и Сергея Михайловича в гостиной Толстой использует следующий ряд единиц: *чай, самовар, как это было при мамаше, бывшая отыскавшаяся папашина трубка, страшные перемены в доме, ваш отец, хорошо было бы с ним [с отцом]* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 69–70]. С помощью номинаций, продуцирующих в своём значении семейный быт (*чай* и *самовар* обладают значительной ценностью для представителей русской культуры) и родственные отношения, писатель создаёт тёплую домашнюю обстановку, которая господствовала при жизни родителей Маши и Сони. Такие единицы, как *достала платок, заплакала, полные слёз глаза*, позволяют понять, насколько тяжела утрата для девушек не только родителей, но и всей той семейной атмосферы, которой они лишились (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 70].

Изображение близкого друга отца Сергея Михайловича с отцовской же трубкой, говорящего в основном на разные увеселительные темы, не касающиеся покойной матушки, что отличает его от всех остальных соседей описываемой семьи, которые считают *нужным молчать и плакать*, вызывают у Маши следующие эмоции: *Мне приятно было, что он так просто и дружески-повелительно обращается ко мне...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 70]. Стоит заметить, что для представителей русской лингвокультурной общности квазистереотипами похорон и воспоминаний об умерших выступают внутренние формы единиц *слёзы* и *плакать*. Примеры их употребления мы приводили ранее. Наверное, именно определённая непохожесть Сергея Михайловича на остальных людей вызвала у Маши симпатию и приятные чувства к нему.

Состояние девушки, когда она начинает испытывать ощущение влюблённости к своему опекуну, Толстой описывает так: *Мне было легко, приятно, и вместе с тем я чувствовала невольную напряжённость, говоря с ним. Я боялась за каждое свое слово; мне так хотелось самой заслужить его любовь...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 71]. На наш взгляд, Толстой грамотно и тонко расставляет акценты на чувстве Маши, на том, что это было именно нежное чувство влюблённости, но никак не любовь. *Заслужить его любовь* – интересная фраза, которая не присуща не только русской лингвокультурной общности, но и мировоззрению самого Л. Н. Толстого. Любовь нельзя заслужить, её можно только проявлять и получать. Семья никогда не сможет построиться на каком-то наигранном поведении того, кто стремится понравиться.

Однажды Сергей Михайлович спрашивает Машу: *Неужели вы барышня? <...> дурная барышня, которая только жива, пока на нее любуются, а как только одна осталась, так и опустилась, и ничто ей не мило; всё только для показу, а для себя ничего.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 71]. В «Кратком словаре русских лингвокультурных единиц» Г. В. Токарева квазиэталон *барышня* имеет значение ‘изнеженная, неприспособленная к трудовой жизни девушка’. Словарная статья снабжена такими пометами, как *общеупотр.* и *неодобр.* [7, с. 33].

Наполнение смысла важной единицы *кокетство* содержанием ‘неестественность’, ‘жеманство’, ‘позёрство’ обусловлено, очевидно, объективацией взглядов самого автора. Своё мнение он выражает в высказываниях героев «Семейного счастья». Например, *Ему хотелось верить, что во мне нет кокетства. И когда я поняла это, во мне действительно не осталось и тени кокетства нарядов...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 78]. Сергей Михайлович обращается к Маше: *Не кокетничайте этим...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 83]. В русской лингвокультурной общности значение единицы *кокетство* также не получает положительную оценку.

Важно уточнить, что на самом деле поведение девушки не было каким-то наигранным и неестественным. Она *невольно обманывала* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 83] Сергея Михайловича. *Книги, которые прежде я читывала только для того, чтобы убавить скуку, сделались вдруг для меня одним из лучших удовольствий в жизни; и все только оттого, что мы поговорили с ним о книгах, читали с ним вместе...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 79]. Для Маши Сергей Михайлович стал определённым идеалом, тем, чьей жизнью она начала жить. Проведём смысловую аналогию с известной для всех заповедью из Библии, важной книги для русской лингвокультурной общности, которая начинается со слов: *Не сотвори себе кумира, и всякаго подобия...*

Про брак Сергей Михайлович говорит так: *...на меня уж давно все перестали смотреть, уж и отжил, только сидеть и хочется, разве не было бы для вас [обращение к Маше] несчастье соединить свою жизнь с человеком старым...* (Тол-

стой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 75]. На приведённое обращение девушка отвечает: *Не несчастье...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 76].

В дальнейшей он, обращаясь к Марье Александровне, скажет: *Вы ещё дитя...*, тем самым подчеркнёт их возрастную разницу, следствием которой являются возможные различия в мировосприятии (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 100]. Согласно «Краткому словарю русских лингвокультурных единиц» Г.В. Токарева, *дитя* употребляется в подобных контекстах в значении ‘человек, отличающийся ребяческой наивностью и неопытностью, не вполне созревший’ [7, с. 56].

Из сборника В. Даля «Пословицы русского народа»: «*У старого мужа молодая жена — чужая корысть*», «*Видима беда, что у старого жена молода, старый муж да упрямый муж — поперек постели лежит*», «*Как старому жениться, так и ночь коротка*», «*Молодому жениться рано, а старому поздно*» [2, Т. 1, с. 317–318]. Все перечисленные народные пословицы несут в своём лексическом значении семы с отрицательной оценкой. Получается, в русской лингвокультуре господствует негативное восприятие неравного брака.

Сам же Л. Н. Толстого к такому типу брака истаптывал спокойное отношение. Достаточно вспомнить его супругу Софью Андреевну, которая была на 16 лет моложе мужа, или юную Валерию Арсеньеву, интерес к которой, по мнению многих исследователей, побудил писателя к созданию романа «Семейное счастье».

Вернёмся к сюжету романа. Через определённое время и ряд произошедших событий герои всё же решают пожениться. V глава начинается с описания приготовления к свадьбе. Катя хочет *покупать и заказывать приданое* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 97]. Мать Сергея Михайловича беспокоится *о новой карете, мебели, коврах, гардинах, подносах; недовольна тем, что свадьба должна была сделаться без музыки, без гор сундуков...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 97–98]. Для русской лингвокультуры приданое является важным символом семейного благополучия. В сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» можно встретить ряд пословиц о приданом. Например, «*Приданое в сундуке, а дурак на руке*», «*Липовы два котла, да и те сгорели дотла (приданое)*», «*Деревянный горшок да свиной рожок (приданое)*» [2, Т. 1, с. 319]. Сами же Сергей Михайлович и Маша скептически относятся к такой подготовке, называя её составляющие *условными принадлежностями женитьбы* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 98]. Это свидетельствует о появлении новых взглядов на свадебные традиции у представителей русской лингвокультурной общности.

Интересно рассмотреть, как Толстой описывает отношений между Катей, как бы выполняющей роль тётки, и матерью Сергей Михайловича, свекровью: *...между ними чувствовалась уже несколько враждебная, но тончайшая дипломатия.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 98]. Характеристика *враждебная* полностью соответствует господствующим в русской лингвокультуре образам «тёща» и «свекровь».

Остановимся на образе Татьяны Семёновны, матери Сергей Михайловича. Женщина является представителем старшего поколения, которая хранит традиции рода, живущего по определённым правилам и установкам, и стремится передать их будущему поколению. Её описание сводится к таким языковым единицам: *чопорная, строгая хозяйка дома, старого века барыня* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 98]. К Маше она относится по-доброму, но при этом также думает следующее: *...как партия для её сына, я могла бы быть и лучше и что не мешало бы мне всегда помнить это.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 98]. Такое понимание свекрови отражается в традициях русского лингвокультурного сообщества. Из «Словаря русских пословиц» В. Даля: «*Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровища*» [2, Т. 1, с. 62], «*Сноха свекрови — битая полоса*» [2, Т. 1, с. 342].

Несмотря на различные домашние семейные традиции, времяпровождение с

мужем, которое для Маши было большим счастьем, девушка всё же через некоторое время семейной жизни начинает чувствовать себя одинокой. Она хочет полностью отдаваться своему супругу, проживать его судьбу, а Сергей Михайлович просто не может Маше этого дать. В дальнейшем Толстой от лица героини напишет: *...он наказывал меня только тем, что не отдавал мне всего себя, всей своей души...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 134]. Девушка начинает испытывать скуку. В языке произведения её желания вербализуются посредством таких единиц: *движение, волнение, опасности, самопожертвование, спокойствие раздражало меня, потребности движения* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 110]. Данные стереотипы не находят полного отражения в русской лингвокультуре.

Всё чаще между героями начинают происходить недопонимания и ссоры. Маша не понимает чрезмерного спокойствия мужа и некой его пассивности, а он всё ощущает и осознаёт. Однажды Сергей Михайлович цитирует строки великого русского поэта М. Ю. Лермонтова, которые, на наш взгляд, отражают отношение русской лингвокультуры к различным душевным волнениям и требованиям новых ощущений:

...А он, безумный, просит бури,

Как будто в бурях есть покой! (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 115].

Вскоре Толстой переносит героев в Петербург, где Маша в поисках новых эмоций и удовольствий оказывается поглощённой светским обществом. Девушке в это время становится присуще *новое для себя чувство гордости и самодовольства* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 118]. Далее: *...внимание многих людей в свете доставляло мне удовольствие, льстило самолюбию...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 119]. В русской лингвокультуре эти номинации продуцируют отрицательные семы и имеют негативные коннотации. Например, в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа» можно встретить следующее: *«Во всякой гордости чёрту много радости»* [2, Т. 2, с. 214], *«Самолуб всякому не люб. Самолуб никому не люб»* [2, Т. 2, с. 115], *«Лихва да леть дьяволу в честь»* [2, Т. 2, с. 150].

Муж Марьи Александровны не находит счастья в светском существовании. Однажды Маша захотела его *расшевелить*, приревновав специально к одной известной даме. На что Сергей Михайлович ответил *сквозь зубы*: *...эти ложные отношения могут испортить наши настоящие, а я ещё надеюсь, что настоящие вернутся.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 119]. Про *ложь* в сборнике В. Даля мы встречаем такую поговорку: *«Ложь не живуща. Вранью (или: Небылице) короткий век»* [2, Т. 1, с. 179]. Конечно, и в современной русской лингвокультуре выражение *ложные отношения* имеет отрицательную семантику и негативную оценку народа.

Во время сильной ссоры между супругами Сергей Михайлович говорит, что Маша поступает, *забывая и мужа, и себя, и достоинство женщины...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 122]. *Достоинство женщины* – одна из главных характеристик женщины в русской лингвокультурной общности. Именно с ней ассоциируется образ традиционной женщины в сознании носителей языка. Толстой подразумевает под отсутствием этой черты предательство и неверность Маши.

Такие единицы, как *праздность, роскошь глупого общества, грязные руки и грязь* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 122], описывающие светскую жизнь, порождают отрицательные коннотации. В «Кратком словаре русских лингвокультурных единиц» Г. В. Токарева приводится несколько значений квазисимвола *грязь* [7, с. 192]. В нашем случае речь идёт о символизации унижения. В словарной статье можно заметить помету *неодобр.* Сергей Михайлович именно не одобряет и осуждает поведение своей супруги.

Квазистереотипом проблем в семейной жизни для Марьи Александровны выступает внутренняя форма единицы *пропасть*: *...ещё больше сделалась пропасть, теперь отделявшая нас друг от друга.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с.

125].

Важным событием, произошедшим с героями, становится рождение ребёнка. В языке произведения оно вербализуется посредством таких языковых символов, как *с такою силой охватило, неожиданный восторг, новая жизнь* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 127]. В русской лингвокультуре рождение детей – это счастливое и радостное событие для всей семьи. Лично для Толстого дети были главным условием счастливой семьи. Через определённое время для Марьи Александровны воспитание сына переходит *привычку и холодное исполнение долга* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 127]. Представление о переживаниях Маши по поводу своего поведения вербализуются с помощью таких единиц, как *становилось совестно и равнодушные* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 127]. Понимая своё неправильное поведение, девушка всё же не могла ничего с собой сделать, так как скука ей овладевала. Данное изображение матери противопоставлено образу заботливой любящей матери, господствующему в русской лингвокультуре.

Такие коннотативные семантические признаки, как *прежний, кроткий, спокойный домосед, нежность и веселье перенёс на ребёнка*, репрезентируются базовым образом «семьянин», который характеризует Сергея Михайловича (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 127].

Примерно в одно время со счастливым событием рождения сына в жизни Маши и её супруга происходит горькая утрата. Умирает мать Сергея Михайловича. Представления о роли матери для героя и состоянии после её утраты объективируются в романе следующими единицами: *большое горе, тяжело* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 127], *герой считал её самою лучшею, самою умною, доброю и любящею женщиной в мире* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 98]. Можем провести параллель с отношением к своей матери Льва Николаевича. У писателя была тесная духовная взаимосвязь с Марией Николаевной, несмотря на раннюю потерю физической связи. Всю жизнь он бережно хранил о ней память.

Далее Толстой описывает жизнь героев летом на водах. Маша начинает осознавать, что жизнь в Никольском – это счастливая жизнь, не такая скучная, как казалась ранее. Лев Николаевич употребляет выражение *счастлива сама в себе* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 128]. Оно, на наш взгляд, имеет знаковое значение. Под чувствами Маши уже не подразумевается влюблённость, огромная страсть к Сергею Михайловичу и желание жить его делами и проблемами. Думаем, Маша в это время как раз начинает осознавать, что счастье в ней самой, в уважении, глубокой любви к своему супругу и, главное, к ребёнку.

При этом нельзя сказать, то девушка полностью счастлива в этот период. Можно долго рассуждать на тему понимания счастья, придумывать различные версии и додумывать сюжет. Мы скажем только одно – счастье является состоянием высшего удовлетворения. Ни один человек никогда не сможет быть абсолютно счастливым. Важно понимать, откуда стоит черпать счастье, что тебя сможет в наибольшей степени осчастливить, и не использовать «лжеисточники» для получения положительных эмоций. На наш взгляд, осознание этого факта способно прийти в тот момент, когда человек сталкивается с каким-то переломным событием на своём жизненном пути, которое влияет на его судьбу и заставляет серьёзно задуматься.

Возможно, для главной героини этим событием становится поцелуй с французом, а точнее, ощущения девушки во время и после него. Мысли Маши репрезентированы такими единицами: *ужасаясь, это мгновение было ужасно, такой чужой, ненавистный человек, поцелуй стыдом жёг мне щёку, почувствовала себя виноватой перед ним, невысказанное горе, раскаяние, удерживаясь от слёз* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 131–133]. В языковом воплощении единицы *раскаяние*

присутствует стремление к углублённому изображению душевных переживаний, обращение к Богу. В русской лингвокультуре чувство сожаления о своём грехе является первым этапом становления человека на духовно-нравственный путь развития.

Конечно, после поцелуя с французом Маша не обретает былого счастья с мужем. Хотя то, минувшее, чувство вернуть, наверное, уже нельзя было, о чём в дальнейшем напишет Толстой. Девушка, на наш взгляд, после этого события понимает, что не стоит искать утешение и способы борьбы со скукой в одуряющем светском обществе.

Словами Сергея Михайловича в заключительной главе Толстой выражает важную мысль о сути любви в семье и семейного счастья: *Всем нам, а особенно вам, женщинам, надо прожить самим весь вздор жизни, для того чтобы вернуться к самой жизни; а другому верить нельзя.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 141]. Герой подводит свою супругу к тому, что их ранние отношения – это некий вздор ‘что-л. несерьёзное’, а лучшие времена начинаются сейчас.

Далее отметим следующие слова супруга Маши: *Ты ещё далеко не прожила тогда этот прелестный и милый вздор, на который я любовался в тебе; и я оставлял тебя выживать его...* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 141]. В этом заключался, как мы сейчас сказали бы, кризис семейных отношений Маши и Сергей Михайловича. Именно он помог девушке осознать истинное своё предназначение, прийти к пониманию настоящего счастья как любви к семье, детям и мужу: *Я посмотрела на него, и мне вдруг стало легко на душе; как будто отняли у меня тот больной нравственный нерв, который заставлял страдать меня.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 143]. Как мы видим, новая жизнь репрезентирована характерным для русского народа сочетанием *лёгкость на душе*, имеющем положительные коннотации, а старая – *страданием (заставлял страдать)*.

Стоит сказать про один из заключительных моментов, когда Марья Александровна в гостиной держит на руках маленького Ваню, к ним подходит Сергей Михайлович, а девушка быстро закрывает лицо мальчика. Толстой отмечает мысли героини: *Никто, кроме меня, не должен был долго смотреть на него.* (Толстой Л. Н. «Семейное счастье») [8, с. 143]. В русской лингвокультурной общности есть представление о том, что первые сорок дней после рождения нельзя никому показывать ребёнка. Это связано с православными канонами. На наш взгляд, тут не так сильно проявляется данный обычай, как тесная связь матери и ребёнка, находящая своё отражение в русской традиции. Конечно, в поступке Маши не было какой-то злости или ревности в отношении супруга. Девушка лишь поняла, что её главная ценность – это дети, именно на любви к ним будет держаться крепкий брак с мужем. Ей хотелось как можно больше своей любви им дарить. Возможно, Маша также желала наверстать упущенное время, ведь раньше забота о ребёнке для неё была *холодным исполнением долга*.

Таким образом, «Семейное счастье» – недооценённый роман Л. Н. Толстого, являющийся первой попыткой писателя постичь женскую психологию. Он относится к периоду творчества Льва Николаевича, когда Толстой находился ещё в поиске своего авторского стиля, поэтому при прочтении произведения можно заметить влияние английского семейного романа, а также традиций описания любви и природы, присущих И. С. Тургеневу. Тем не менее без сомнения можно сказать, что в романе чётко представлена модель семьи для раннего Толстого. Идея о том, что на детях держится настоящее семейное счастье, нашла своё воплощение в истории отношений Маши и Сергея Михайловича. Мысли писателя сопровождаются присутствием лингвокультурных деталей. Представления о модели семьи в романе «Семейное счастье» показаны в большом количестве коннотативных значений, обусловленных традициями русской лингвокультурной общности.

Список источников и литературы

1. *Домострой* / изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб.: Наука, 2007. 399 с.
2. *Даль В.* Пословицы русского народа : сб. В 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 431 с. ; Т. 2. 447 с.
3. *Саркисова А. Ю.* О влиянии английского романа XVIII–XIX вв. на роман Л. Н. Толстого «Семейное счастье» // Вопросы филологии. 2014. № 1 (46). С. 77–82.
4. *Сафонова О. Ю.* Родственница Тургеневых – В. В. Арсеньева // Спасский вестник. 2006. № 13. С. 158–165.
5. *Словарь русского языка* : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык : Полиграфресурсы, 1999. Т. 2. 736 с. ; Т. 3. 750 с.
6. *Токарев Г. В.* Взгляды Л. Н. Толстого на брак // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25, № 2. С. 145–147.
7. *Токарев Г. В.* Краткий словарь русских лингвокультурных единиц. Тула: ТППО, 2020. 273 с.
8. *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 5. М.: Худож. лит., 1935. 385 с.
9. *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой : исследования, статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 952 с.

References

1. Kolesov, VV & Rozhdestvenskaya, VV (eds) 2007, *Domostroy*. Nauka Publ., St. Petersburg. (in Russ.)
2. Dahl, V 1989, *Poslovitsy russkogo naroda : sbornik. V 2 tomakh* (Proverbs of the Russian People), in 2 vols, Khudozhestvennaya literatura Publ., Moscow. (In Russ.)
3. Sarkisova, AYU 2014, 'O vliyanii angliyskogo romana XVIII–XIX vv. na roman L. N. Tolstogo «Semeynoye schastiye»' (On the Influence of English Novels of the 18th – 19th Centuries on Leo Tolstoy's Novel "Family Happiness"), *Voprosy filologii*, vol. 1, no. 46, pp. 77–82. (In Russ.)
4. Safonova, OYu 2006, 'Rodstvennitsa Turgenevykh – V. V. Arsenyeva' (A relative of the Turgenevs – V. V. Arsenyeva), *Spasskiy vestnik*, vol. 13, pp. 158–165. (In Russ.)
5. Evgenieva, AP (ed.) 1999, *Slovar russkogo yazyka (Dictionary of the Russian language)*, in 4 vols, Russkiy yazyk Publ., Poligrafresursy Publ., Moscow. (In Russ.)
6. Tokarev, GV 2019, 'Vzglyady L. N. Tolstogo na brak' (Leo Tolstoy's views on marriage), *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* (Vestnik Of Kostroma State University), vol. 25, no. 2, pp. 145–147. (In Russ.)
7. Tokarev, GV 2020, *Kratkiy slovar' russkikh lingvokul'turnykh yedinit* (A Brief Dictionary of Russian Linguocultural Units), TPPO Publ., Tula. (In Russ.)
8. Tolstoy, LN 1935, *Polnoye sobraniye sochineniy (Complete Works)*, in 90 vols, vol. 5, Khudozhestvennaya Literatura Publ. Moscow. (In Russ.)
9. Eichenbaum, BM 2009, *Lev Tolstoy : issledovaniya, stat'i* (Leo Tolstoy: Researches. Articles), Fakultet filologii i iskusstv SPbGU Publ., St. Petersburg. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 16.11.2021
Одобрена после рецензирования: 03.12.2021
Принята к публикации: 17.12.2021

The article was submitted: 16.11.2021
Approved after reviewing: 03.12.2021
Accepted for publication: 17.12.2021